

Оценка старшекласниками кибербуллинга и его профилактики в школьной среде

Т. В. Шипунова, Д. В. Яковлева

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Шипунова Т. В., Яковлева Д. В. Оценка старшекласниками кибербуллинга и его профилактики в школьной среде // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2023. Т. 16. Вып. 4. С. 409–427. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2023.404>

Цифровая культура формирует у подростков не только позитивный, но и негативный опыт, к которому, в частности, можно отнести кибербуллинг в школьной среде, который мешает их успешной социализации. Первым шагом на пути противодействия кибербуллингу может стать изучение мнения учащихся о видах травли и способов ее профилактики. Это и стало целью исследования. В качестве теоретических оснований выступили идеи зарубежных и отечественных исследователей о кибербуллинге и его детерминации. Проведен интернет-опрос старшекласников, который был организован сначала в школе с выходом подростков в интернет по специальному коду, затем опрос был продолжен на сервисе Google-форм, куда эти ученики приглашали своих сверстников для участия в исследовании. В обоих случаях применялась неслучайная целевая выборка. В исследовании использована авторская анкета. Самым частым видом кибертравли в школах является троллинг, который наблюдали две трети учащихся. Кибербуллинг может быть обусловлен особенностями личности агрессора, недостаточной подготовкой подростков к бесконфликтным взаимодействиям, наличием учеников-провокаторов, желанием отомстить и т. д. К потенциальным жертвам были отнесены дети из бедных семей и успешные ученики. Школьники уверены, что в случае травли жертва редко обращается за помощью к учителям, школьным психологам, администрации, предпочитая им друзей и родителей. Вместе с тем сотрудники школы оцениваются как лица, способные повлиять на ситуацию кибербуллинга. Подростки считают, что в профилактике необходимо обращать внимание на средовой, информационно-образовательный и психологический аспекты. Средовой аспект предполагает, в первую очередь, изменение отношения педагогов к проблемам и жизни учеников. Предлагается регулярно изучать мнение учащихся о профилактике травли, чтобы влиять на качество школьной среды, избегать формального подхода и создавать условия для активного включения школьников в решение проблемы кибербуллинга.

Ключевые слова: подростки, школьная среда, кибербуллинг, виды кибербуллинга, кибер-агрессия, жертва кибертравли, профилактика.

Введение

Виртуальная реальность создает новые возможности, риски и проблемы для так называемого «цифрового» поколения [1, с. 54]. Помимо формирования таких качеств, как креативность, информированность, многозадачность, оно сталкивается с информационной перегрузкой, доступом к опасному контенту [2], проявления-

ми агрессии и насилия. В последнем случае речь идет прежде всего о кибербуллинге, которому часто подвергаются подростки. В 2019 г. с кибертравлей сталкивались 27,5 % российских школьников¹, в половине случаев страдая по вине одноклассников. В 2021 г. уже 55 % подростков в России подвергались кибербуллингу².

В западных странах кибербуллинг стали изучать в конце 1990-х гг. Основными направлениями исследований были:

- распространенность явления;
- связь буллинга и кибербуллинга;
- отношение к травле и участие в ней;
- влияние сверстников, родителей, педагогов на агрессию подростков;
- связь кибертравли с потреблением наркотиков;
- особенности участников интернет-агрессии [3].

Среди наиболее известных авторов можно назвать Л. Бекмана (L. Beckman), К. Хагквиста (C. Hagquist), Э. Гёрцига (A. Görzig), Л. А. Фрумкина (L. A. Frumkin), С. Э. Голдштейна (S. E. Goldstein), Д. Гэберта (D. Goebert), И. Эльзе (I. Else), К. Мацу (C. Matsu) и др. Несмотря на то что отечественные исследователи (А. А. Бочавер, К. Д. Хломов, Г. У. Солдатова, А. Н. Ярмина и др.) обратились к данной теме позже, все западные направления в изучении кибертравли так или иначе находят отражение в научных публикациях российских авторов. Особое внимание при этом уделяется ее распространенности [4; 5], психологическим и педагогическим аспектам кибербуллинга [6; 7]. Эти исследования локализуются вокруг школьной среды, поскольку интернет стал ее неотъемлемой частью. Кибербуллинг разрушает интегративный характер школьной среды, проявляющийся в необходимости «обеспечения всем членам образовательного сообщества комплекса возможностей для эффективного личностного саморазвития» [8, с. 8]. Травля в интернете негативно влияет на психологическое и социальное благополучие подростков [9], существенно ограничивая возможности социализации и получения образования. Вместе с тем 47 % учителей не знают, как с бороться с кибербуллингом³. Исследования в области профилактики в основном строятся на изучении мирового опыта и попытках его адаптации к российским условиям [10; 11]. Но в отличие от западных стран, где правовое поле, регулирующее антибуллинговую политику в образовательных учреждениях, уже разработано [12], в России не существует даже закона, в котором давалось бы четкое определение понятия «кибербуллинг». Регламентация превентивной работы осуществляется преимущественно другими законами и рекомендациями со стороны государства⁴, однако пока эта работа не дает положительного результата. Возможно, разработке мер по превенции кибертравли на местах могло бы помочь обращение к мнению учащихся о возможностях профилактики. Это со-

¹ Миронова К. Травля в натуральную величину // Коммерсантъ. 2019. № 20. С. 5.

² Исследование: 55 % подростков в России сталкивались с кибербуллингом // Сайт Агентства социальной информации. URL: <https://www.asi.org.ru/news/2021/04/26/issledovanie-55-podrozkov-v-rossii-stalkivalis-s-kiberbullingom/> (дата обращения: 10.02.2023).

³ VK образование и Учи.ру провели опрос о проблеме травли в сети среди учителей и школьников // Новости Учи.ру. URL: <https://lp.uchi.ru/news/tpost/zuhan70371-uchiru-i-vk-obrazovanie-proveli-opros-o> (дата обращения: 03.06.2023).

⁴ См., напр.: Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»; Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».

действовало бы их осознанному включению в мероприятия, проводимые школой, и сделало бы ребят более открытыми для принятия помощи. Учитывая сказанное, проблема исследования видится в поиске ответа на вопрос: что сами учащиеся думают о кибербуллинге в школе и перспективах его преодоления? Соответственно, целью статьи является анализ оценок учащимися кибербуллинга и его профилактики в школьной среде. Объектом исследования выступает кибербуллинг в школе, а предметом — мнения, оценки учащихся старших классов о распространенности, видах, детерминантах интернет-травли и возможностях ее профилактики средствами школы. Структура статьи включает в себя обзор литературы по теме, методологическую и аналитическую части, а также основные выводы по результатам исследования.

Кибербуллинг: понятие, виды

Д. Олвеус (D. Olweus), признанный авторитет в области изучения буллинга в подростковой и молодежной среде, считает, что кибербуллинг по сути представляет собой тот же буллинг, но адаптированный к среде интернета [13, р. 521–523]. Оба эти явления имеют схожие характеристики: умышленное причинение вреда; повторяемость в течение определенного времени; подразумеваемый дисбаланс между фактической и предполагаемой силой воздействия; отсутствие явной провокации со стороны жертвы [14]. Однако кибербуллинг отличается использованием информационных и коммуникационных технологий. В связи с этим кибербуллинг протекает почти всегда анонимно при отсутствии выраженной виктимности жертвы, характеризуется неограниченностью во времени и пространстве, открытостью, инверсией ролей участников [15, р. 171]. Эти различия играют важную роль: свидетелями насилия становится широкая аудитория; постоянно нарастает тревога жертвы, поскольку она не знает источник агрессии; у обидчиков возникает «феномен растормаживания» вследствие отсутствия угрозы наказания [16, р. 321–322]; «насилие не ограничено во времени и пространстве и может произойти в любой момент»; искажается или полностью отсутствует обратная связь, позволяющая ответить на оскорбления [17, с. 2]. В широком смысле кибербуллинг может пониматься как любая атака, направленная на умышленное нанесение вреда в интернете [18, р. 497], особенно если агрессивные действия против уязвимого лица продолжительны [19, с. 20]. Он возникает, когда кто-то «многократно высмеивает другого человека в сети или многократно придирается к другому человеку через электронную почту или текстовое сообщение, или, когда кто-то публикует в сети что-то, порочащее достоинство другого человека» [20, р. 2].

Выделяют разные виды кибербуллинга. В научном дискурсе в свое время широкое распространение получила классификация, предложенная Н. Виллард (N. Willard) [21, р. 5–12]. По ее мнению, к видам буллинга в интернете относятся: флэйминг (оскорбительный спор); харассмент (приставания и домогательства с сексуальным подтекстом); клевета; публикация дискредитирующих материалов; аутинг (распространение личной информации); трикери (получение обманом конфиденциальной информации); исключение (блокировка в социальной онлайн-группе); киберсталкинг (преследование, рассылка угроз). Вместе с тем эти основные виды постоянно уточняются. Так, А. А. Бочавер и К. Д. Хломов предлагают раз-

делить харассмент на подвиды: гриффинг (целенаправленное «преследование других игроков в многопользовательских онлайн-играх» с целью «разрушения удовольствия от игры у других игроков»); учитывая, что все подростки увлечены такими играми, гриффинг является значимым моментом при рассмотрении кибербуллинга) и кибертротлинг (намеренное развитие конфликтов с опорой на слабые места других лиц) [6, с. 181–182].

Кроме того, некоторые исследователи делят киберагрессию на два типа: связанную с негативными эмоциями (реактивную) и основанную на положительных эмоциях в ходе достижения целей (проактивную). «Реактивная агрессия понимается как импульсивная агрессивная реакция в контексте возмездия за какое-то (мнимое или реальное) оскорбление или нападение». Проактивная же агрессия представляет собой «неспровоцированные акты агрессии, совершаемые обдуманно» [22, с. 114]. Данные типы легли в основу модели киберагрессии, в которой определены виды поведения в виртуальной среде: импульсивно-инициативный, импульсивно-ответный, произвольно-инициативный и произвольно-ответный [23, р. 753–754].

Проанализировав зарубежные исследования, О. С. Дейнека с коллегами выделили четыре основные модели объяснения кибербуллинга, которые рассматривают разные факторы [24, с. 276]:

1) BGCM (Barlett and Gentile Cyberbullying Model): изучает виртуальную среду, делая акцент на анонимность интернет-коммуникации (например, при поверхностной идентификации пользователей в соцсетях);

2) модель агрессии: концентрируется на индивидуальных и ситуационных факторах, ослабляющих психологические барьеры для агрессии; наибольший риск появления кибербуллинга существует между лицами с высоким уровнем социальных навыков и низким уровнем вербальной агрессии, а также между лицами с низким уровнем социальных навыков и высоким уровнем вербальной агрессии;

3) модель трех «i» (instigation, impellance, inhibition): в центре внимания находится сочетание таких факторов, как агрессия, провокация и торможение; ситуация кибербуллинга наиболее вероятна, когда факторы агрессии и провокации интенсивны, а фактор торможения проявляется слабо;

4) социально-экологическая модель «диатез — стресс»: берет начало из теории экологических систем, объединяя воедино индивидуальные, социальные и экологические факторы; кибербуллинг является итогом взаимодействия между разными системами — личностью, семьей, соседями, обществом, СМИ и др.

Основной эмпирической базой для проверки этих моделей и изучения разных проявлений кибербуллинга в большинстве случаев выступает школьная среда. Подростки, с одной стороны, активно взаимодействуют друг с другом в социальных сетях, где может реализовываться агрессия, а с другой — ежедневно встречаются в школе, и виртуальная агрессия может дополняться издевательствами в реальности. Таким образом, кибербуллинг нередко сопровождает школьный буллинг.

Родство кибербуллинга и буллинга объясняет и схожесть ролей, которые выполняют участники кибербуллинга, а также их разрушительное воздействие на подростков. Их изучение позволило выявить социально-психологические особенности (кибер)буллера, жертвы, наблюдателя [25]. Так, онлайн-агрессорам свойственны повышенная агрессивность, конфликтность и деструктивное поведение как онлайн, так и в реальной жизни. У них, особенно если травля была безнаказан-

ной, деформируются социальные ценности и искажается восприятие своего Я [26, с. 121]. Проявление активной агрессии может вести к формированию зависимостей (алкогольной, наркотической) [27, р. 1506].

Поведение жертвы кибербуллинга может быть описано при помощи концепции виктимной предрасположенности, в которой выделяется несколько виктимных типов: универсальный (потенциальная уязвимость в отношении любой травли из-за специфических личностных характеристик); избирательный (уязвимость в отношении некоторых видов травли); ситуативный (уязвимость в силу непреодолимой для конкретного индивида опасности); случайный и профессиональный (например, в случае травли учителя учениками) [28, с. 28–30]. Развернутых исследований, подтверждающих соответствие поведения подростков — жертв кибербуллинга каждому из данных типов, нет, однако имеется много свидетельств, что виктимность формируется на уровне личности, а уже после проявляется в конкретной среде. Так, обнаружена связь между виктимным поведением и психоэмоциональным развитием учащихся (неразвитые навыки общения, повышенная или сниженная тревожность, неспособность адекватно оценить опасные ситуации и др.) [26, с. 130; 29]. Жертвы отмечают непоправимый вред кибертравли: 70 % студентов одного из вузов, вспоминая кибертравлю в школе, отметили, что она принесла вред их психологическому благополучию и социальной жизни. При этом 53 % не сообщали никому о травле и переживали все в одиночку [9, с. 304]. Наблюдатели кибербуллинга переживают возрастание тревожности, низкую самооценку, недоверие к людям и повышенную склонность скрывать любую информацию о себе [4, с. 278].

Не все исследователи согласны с размером негативных последствий кибертравли для подростков. Так, Д. Олвеус, исследуя кибербуллинг в течение нескольких лет в США и Норвегии, пришел к выводу, что кибербуллинг не так широко распространен, как буллинг, и имеет менее выраженные негативные последствия, чем травля в реальности [13, р. 521]. Однако в связи с тем, что интернет занимает все больше места в жизни подростков, профилактика кибербуллинга становится все более актуальной для современной школы. В настоящее время в школе наиболее распространены просветительские беседы о правилах цифрового этикета и поведения в интернет-среде. Если психоэмоциональному состоянию жертвы был нанесен значительный урон, то для помощи используются психосоциальные методы⁵. Думается, что этого недостаточно, чтобы решить проблему. Профилактику нужно начинать с трансформации школьной среды, повышения ее качества, поскольку доброжелательное отношение учителей к ученикам «коррелирует с уменьшением числа жертв, обидчиков и свидетелей» насилия среди учеников [10, с. 53].

Методология и методика исследования

В исследовании, проведенном весной 2023 г., можно выделить два этапа сбора данных.

Первый этап — условно очное анкетирование учащихся в одной из общеобразовательных школ Санкт-Петербурга. Использован неслучайный целевой вид

⁵ Cyberbullying: What it is and how social workers can help // MSW Online. URL: <https://mastersin-socialworkonline.org/resources/cyberbullying/> (дата обращения: 20.05.2023).

выборки. Основной признак — обучение подростков в старших классах. В исследовании приняли участие 55 человек женского пола (жен.) и 56 мужского пола (муж.) из 8–11-х классов школы в возрасте 13–18 лет. Был создан QR-код со ссылкой на Google-формы, по которому можно было заполнить анкету в режиме реального времени в присутствии исследователя и преподавателей школы. Поскольку кибербуллинг оказался знаком учащимся всех классов, предварительная беседа о явлении не требовалась. Подготовка к исследованию включала объяснение процедуры доступа к анкете и правил ее заполнения. При этом у учеников была возможность задавать уточняющие вопросы.

Второй этап — онлайн-опрос учащихся того же возраста с помощью сервиса Google-формы. Вид выборки — неслучайная целевая (основной признак был тот же, что и на первом этапе) с использованием метода снежного кома. Распространителями информации об исследовании и о ссылке на анкету были школьники, участвовавшие в первом этапе. Условием было распространение сведений только в чатах, а не в открытых сетях во избежание присоединения к исследованию случайных людей. На этом этапе выборка составила 89 человек (53 жен., 36 муж.).

Всего в исследовании приняло участие 200 школьников — 108 женского пола и 92 мужского. Наибольшее число ответов было получено от учащихся 8-х и 10-х классов — 28 и 36 % соответственно (для сравнения: 9-й класс — 17 %, 11-й класс — 19 %). По возрасту участники распределились следующим образом: 13–14 лет — 21,5 %, 15–16 лет — 50 %, 17–18 лет — 28,5 % (из них 18 чел. 18-летние). В целях деперсонализации данных, продиктованных этическими ограничениями, другие социально-демографические характеристики участников опроса не фиксировались. Выбор старшеклассников в качестве целевой группы обусловлен, во-первых, их более широкими познаниями в области интернет-технологий, что дает им возможность широко использовать социальные сети, во-вторых, наличием у них широких социальных связей с одноклассниками и другими учениками школы в силу длительного знакомства и общения с ними. Все это в своей совокупности создает условия как для позитивных, так и негативных коммуникаций в интернете.

Изучение мнений учащихся предполагало детализацию исследовательского вопроса и вычленение четырех взаимосвязанных смысловых блоков (подвопросов):

- 1) осведомленность о кибербуллинге в школе (распространенность, виды);
- 2) представление о его детерминантах;
- 3) отношение к помощи в ситуации кибертравли;
- 4) отношение к практике школьной профилактики и перспективам ее развития.

Исследование проводилось методом онлайн-опроса. Авторская анкета содержала закрытые и открытые вопросы, сгруппированные по указанным смысловым блокам. Исследование исключало самоотчет учащихся о личном участии в кибербуллинге в роли агрессора или жертвы. Ответы должны были даваться с позиции условно сторонних наблюдателей. По нашему мнению, это должно было способствовать снятию напряжения при оценке волнующих подростков вопросов и избеганию сбора сведений о личной ситуации с травлей. Кроме того, такой подход, наряду с присутствием при опросе педагогов, которые, согласившись на участие в проведении исследования, приняли на себя заботу об уведомлении родителей, и ограничением передачи личных данных (что особенно важно при опросе при использовании Google-форм), обеспечивал соблюдение этических требований

анонимности при проведении исследования [30]. Анкета была достаточно компактной (25 вопросов), что обусловлено особенностями организации исследования в школе:

- неготовностью учителей выделять дополнительное время в учебном процессе;
- цензурой со стороны администрации;
- недооценкой персоналом значимости школьной профилактики кибербуллинга.

Вместе с тем объем анкеты соответствовал требованию необходимости и достаточности вопросов для сбора данных, исходя из цели исследования.

Исходная описательная гипотеза включала предположение, что старшеклассники достаточно хорошо осведомлены как о кибербуллинге, так и о его распространенности в тех школах, учениками которых они являются. В качестве детерминант кибертравли подростки скорее всего укажут личные мотивы кибербуллера, высокий уровень конфликтности между учениками и недоверие к сотрудникам школы как к субъектам помощи. Предположительно, основная проблема профилактики для старшеклассников состоит в ее недостаточном наполнении интересными для них мероприятиями. В качестве решения проблемы предупреждения кибербуллинга учащиеся предложат изменение школьной среды, прежде всего за счет более внимательного отношения сотрудников школы к проблемам подростков.

Использование метода онлайн-опроса имеет свои преимущества, это удобный и привычный формат как для респондентов, так и для исследователя. Условно очное анкетирование (первый этап) позволило в достаточно короткое время получить значимую информацию по всем выделенным блокам вопросов. Кроме того, такая форма опроса обеспечивала возможность оперативных ответов на уточняющие вопросы школьников. Последующее расширение онлайн-опроса за счет учащихся других школ (второй этап) позволило несколько сгладить недостатки неслучайной целевой выборки, главным из которых является ее нерепрезентативность, не позволяющая делать глобальные обобщающие выводы.

Основные результаты исследования

Поскольку результаты первого и второго этапов сбора данных не имеют каких-либо серьезных расхождений, то в статье приводятся объединенные и обобщенные данные, которые сгруппированы по смысловым блокам, выделенным при детализации исследовательского вопроса.

Осведомленность учащихся о кибербуллинге. Больше половины (56%) респондентов чувствуют себя безопасно в интернете, причем юноши отмечали это немного чаще, чем девушки (30 и 26% соответственно). 25,5% подростков (13,5% — жен., 12% — муж.) указали на чувство небезопасности при участии в дискуссиях, выкладывании фото/видео или оставлении комментариев. Больше всего чувствуют небезопасность школьники в возрасте 15–16 лет (13,5% от общего числа участников исследования), а менее всего — в возрасте 13–14 лет (8%). 18,5% школьников (14,5% — жен., 4% — муж.) затруднились с ответом на вопрос об опасности интернет-пространства. Представляется, что это положительный момент, увеличивающий процент лиц, скорее не включенных в кибертравлю в качестве жертвы или наблюдателя. У 19% опрошенных не выявлено особой заинтересованности в изу-

чении кибербуллинга. Из оставшегося 81 % учащихся кое-что читали о кибертравле — 60 %, знакомы с видами и способами противостояния травле в интернете 21 %. Подробной информацией о травле в большей степени владеют учащиеся в возрасте 15–16 лет (40,5 % от общего числа участников опроса).

При ответе на вопрос об известных видах травли в отношении учащихся школы были указаны (можно было отметить несколько вариантов): троллинг (часто — 42,5 %, редко — 30 %), оскорбления в чатах (часто — 33,5 %, редко — 37,5 %), игнорирование сообщений (часто — 30 %, редко — 40 %), распространение слухов (часто — 24 %, редко — 36,5 %), исключение из чатов или групп (часто — 21,5 %, редко — 39 %), клевета (часто — 17 %, редко — 35 %), оскорбительные фотоколлажи и/или видео (часто — 13,5 %, редко — 25 %), разглашение секретов или личной информации (часто — 17,5 %, редко — 31,5 %), домогательства с целью получения информации (часто — 4,5 %, редко — 13,5 %). 21 респондент в пункте «другое» назвал виды кибертравли, которые часто переходят в буллинг в реальности: «угрозы, а потом их исполнение» (жен., 16 лет), «оскорбления даже после окончания ссоры» (муж., 15 лет), «после ссоры в чате заводят в темные углы школы, говоря, что они там будут выяснять отношения одни, а в итоге там еще половина класса» (муж., 14 лет) и т. д.

Учитывая распространенность кибертроллинга, на первом этапе после заполнения анкет нескольким учащимся был задан вопрос об их понимании этого вида травли. Подростки отнесли к троллингу в интернете: «выведение на эмоции другого человека, чтобы сделать ему неприятно» (муж., 17 лет); действия, «которые начинаются с обидных оскорблений меня и моей семьи, а потом пишут в личку и продолжают травить» (жен., 16 лет); «словесные оскорбления не в адрес человека, а в адрес его мамы или родителей в целом» (муж., 17 лет). Как видим, понимание троллинга детьми не расходится с его пониманием в научной литературе.

С проявлениями кибербуллинга подростки чаще всего встречались в социальной сети «ВКонтакте» (55 %), почти в два раза реже — в TikTok (25,5 %) и X, бывшем Twitter (25,5 %). Сеть «Одноклассники», видимо, не пользуется популярностью у старшеклассников, а потому о случаях травли в этой социальной сети сообщили только 11 % опрошенных. Время интернет-травли было преимущественно непродолжительным: меньше дня (так отметили 25 % от общего числа участников опроса), один-два дня (21,5 %), около недели (18 %). Были отмечены также случаи травли в течение месяца (15 %) и даже года (14,5 %).

Детерминанты кибербуллинга. Большинство учащихся выразили мнение, что причины кибербуллинга связаны с мотивацией агрессора, который: «хочет самоутвердиться и повысить свой авторитет» (69 % от общего числа участников исследования), «чувствует себя уверенным и безнаказанным» (63 %). Кроме того, по мнению подростков, кибербуллер чувствует дефицит внимания (60 %), ему кажется, что это весело (56,5 %), или ему просто нечем заняться (48 %). Среди других причин подростки указали (отвечая на вопрос, можно было выбрать несколько вариантов ответов):

- неумение решать конфликты (44 %);
- безопасность анонимного выяснения отношений в интернете (29,5 %);
- желание агрессора восстановить справедливость (14,5 %).

На желание самоутвердиться чаще указывали девушки — 44 % от общего числа респондентов (юноши — 25 %). Доля старшеклассников, выбравших этот ответ,

больше в группе 17–18-летних (с учетом их числа во всей выборке). То же самое можно сказать о выборе ответа «не умеет решать конфликты». Видимо, ученики этого возраста более рациональны в объяснении поступков и ориентируются на свойственные своему возрасту интересы и устремления. А вот ответ «Он чувствует себя уверенным и безнаказанным в интернете» чаще выбирали респонденты в возрасте 15–16 лет (33 % от общего числа респондентов, или 66 чел. из 100 — участников этого возраста). Возможно, это связано с их более пристальным вниманием к случаям кибертравли в силу большей осведомленности о явлении.

Подростки считают, что к травле могут подключаться другие ученики по разным причинам (вариантов выбранных ответов могло быть несколько):

- потому что в классе есть ученики-провокаторы (такой ответ выбрали 65 % подростков);

- ученики не умеют решать конфликты (47 %);
- некоторым это может казаться забавным (64,5 %);
- или восприниматься как способ скрыто отомстить (35,5 %).

Активное присоединение к кибербуллингу может произойти:

- в случае уже имеющегося опыта травли (36,5 % от общего числа респондентов);
- отсутствия сплоченности в классе (26,5 %);
- отсутствия у учителей интереса к проблемам детей (38,5 %).

Обращает на себя внимание последний ответ, поскольку он напрямую касается взаимодействия учителей и учеников. Такой ответ выбрали 23,5 % девушек и 15 % юношей из общего числа участников опроса. По возрасту ответившие распределились так: 13–14 лет — 8 % (16 чел.), 15–16 лет — 19,5 % (39 чел.), 17–18 лет — 11 % (22 чел.). Выбор данного ответа, как и выбор ответа об отсутствии сплоченности в классе, свидетельствует о недоработках школы в области создания здоровой школьной среды.

Респондентам было предложено отметить потенциальных жертв кибербуллинга (можно было выбрать несколько вариантов ответа). К возможным жертвам были отнесены:

- подростки из бедных семей (такой вариант выбрали 50,5 % участников опроса);
- любимчики учителей (48,5 %);
- девушки (40,5 %) (юношей в качестве потенциальной жертвы обозначили 26,5 % учащихся);
- отличники и хорошисты (36 %).

Поскольку любимчики учителей чаще всего показывают высокие результаты в учебе (и наоборот), то их можно объединить в одну группу, и тогда общая цифра составит 84,5 %. Что касается детей из бедных семей, то девушки выделяют эту группу чаще, чем юноши (31,5 и 19 % соответственно). Наблюдается примерно одинаковое распределение ответивших подобным образом в разных возрастных группах, учитывая их количество в выборке. То же самое можно сказать и о выборе ответа «любимчики учителей». Только шесть учениц указали, что жертвой кибербуллинга может стать абсолютно любой учащийся. В целом можно отметить, что кибертравля среди подростков связана в большой мере с социальным статусом (потенциальной) жертвы, причем в число жертв попадают не только дети, лишенные чего-то, но и те, кто выделяется среди учеников в положительную сторону.

Несмотря на экспансивный характер кибербуллинга, он может быть прекращен, по мнению учащихся, благодаря заступничеству со стороны одноклассников. Так считают 62 % подростков (34 % девушек и 28 % юношей). Чуть меньше — 48,5 % от общего числа респондентов — считают, что если онлайн-агрессоров забанить, то травля прекратится. Уверенность в том, что в качестве сдерживающего фактора могут выступить родители и учителя/администрация, ниже (40 и 36 % соответственно).

Отношение к помощи в ситуации кибертравли. Здесь задачей было выявление степени доверия старшеклассников к субъектам, способным оказать помощь, и готовности самим подключиться к защите жертв травли.

Ответы на открытый вопрос «К кому чаще всего обращается за помощью подросток, подвергшийся кибербуллингу?» показали, что, по мнению школьников, жертва кибертравли чаще всего обращается за помощью к друзьям (37 %) и родителям (31,5 %). В первом случае так считают 21,5 % девушек и 15,5 % юношей, во втором, соответственно, 17 % девушек и 14,5 % юношей. К официальным лицам реальных обращений гораздо меньше. Так, на обращение к учителям указали 8,5 % от всех опрошенных, а к (школьному) психологу — 6 %. Еще 12,5 % респондентов указали, что жертвы в случае кибертравли ни к кому не обращаются за помощью. Один из респондентов поделился: «На личном примере могу сказать, что рассказывать об этом кому-либо слишком страшно, проще справляться самостоятельно» (жен., 15 лет).

По мнению школьников, могли бы помочь жертве кибербуллинга те же субъекты — друзья (67,5 %) и родители (58,5 %). Социальный педагог и школьный психолог теоретически также могли бы оказать помощь (по 37,5 % ответов). Теоретическая возможность помощи жертве со стороны педагогов и администрации школы оценивается ниже, на них в своих ответах указали 30,5 и 22,5 % респондентов соответственно. Еще 3,5 % уверены, что помочь не может никто.

Сравнение реального положения дел и абстрактных рассуждений о возможной помощи со стороны разных субъектов складывается не в пользу школы. Понимая (теоретически), что у школьного персонала имеются достаточный потенциал и ресурсы для оказания помощи жертве кибертравли, старшеклассники указывают, что в реальности редко обращаются к ним за помощью. Очевидно, что школьники не испытывают большого доверия к персоналу школы (учителям, администрации, психологам). Этот дефицит доверия представляется не случайным, особенно учитывая мнение учеников, что учителям неинтересны проблемы детей.

Выбирая совет для свидетелей кибербуллинга, респонденты чаще всего указывали вариант «заступить за жертву в чате или группе» (можно было выбрать несколько вариантов). Так ответили 20 % девушек и 20,5 % юношей (всего 40,5 % участников опроса). Старшие по возрасту участники (17–18 лет) такой ответ выбирали чаще. Вариант «сообщить учителям» выбрали 18 % респондентов, а к родителям — 17,5 %. Пессимистичное «ничего не делать» и «не обращать внимание, все равно будет длиться некоторое время» в совокупности отметили 21,5 % участников исследования. Оказываясь в роли наблюдателя травли в интернете, 29 % учащихся чувствуют жалость, грусть, сочувствие жертве, еще 4 % испытывают чувство несправедливости, а 7 % — желание помочь. Эти чувства описывались, например, так: «Если этот человек мне неприятен, то наблюдаю с интересом, но в целом, наверное,

чувствую жалость» (жен., 18 лет); «Мне это кажется очень неправильным» (жен., 16 лет). Много тех, кто описал свои эмоции по отношению к кибербуллеру словами «злость», «ненависть» и «презрение» (24,5%). Сюда можно отнести и тех, кто «испытывает неприятные чувства» — 3,5% школьников. Еще 5% подростков чувствуют страх и беспомощность. Полное безразличие к ситуации высказали 14,5% респондентов.

91,5% респондентов указали на готовность вступить за ученика, которого травят в интернете. Однако существуют нюансы этой готовности: готовы и уже имеют такой опыт 29,5% (18,5% — жен., 11% — муж.); в принципе готовы, но не имеют такого опыта 34% (16% — жен., 18% — муж.); готовность вступить зависит от обстоятельств — 28% (15,5% — жен., 12,5% — муж.). Остальные респонденты либо не знают, как поступят, либо не готовы защищать жертву кибербуллинга.

Оценка практик и перспектив развития профилактики. Из ответов учащихся следует, что в школах чаще всего проводятся просветительские беседы (такой вариант ответа выбрали 30% подростков), беседы со школьным психологом и педагогом (30 и 19,5% соответственно), вмешательство службы медиации в решение конфликтов (27,5%). Вместе с тем 24,5% от всех респондентов указали на отсутствие каких-либо мероприятий по школьной профилактике интернет-травли. Конечно, часть подростков, выбравших данный вариант ответа, может просто не знать о каких-то мероприятиях, но нужно учитывать, что информирование всех участников выступает необходимым элементом профилактики.

Учитывая дискуссии по поводу методов профилактической работы, старшеклассников спросили о пользе уроков безопасности и тренингов безопасного поведения в интернете. Уроки безопасности респонденты оценили в большинстве своем положительно: ответ «это может быть полезно» выбрали 63,5% (37,5% жен. и 26% муж.). Причем в возрастной группе 13–14- и 17–18-летних доля выбравших положительную оценку больше, чем доля 15–16-летних. 19% (7% жен. и 12% муж.) оценили уроки как скучное занятие. Тренинги в форме игр вызвали меньший интерес: 44% (27% жен. и 17% муж.) указали, что «это кажется интересным и полезным»; 33,5% считают, что «это веселее обычных занятий, однако новое я вряд ли узнаю»; 12,5% считают такие занятия бесполезными.

Ученикам был предложен открытый вопрос «Что может сделать школа, чтобы предотвратить возникновение кибербуллинга?». 26% респондентов ответили, что они этого не знают. Еще 26% указали «ничего» (12,5% жен. и 13,5% муж.). Оставшиеся ученики сделали акцент на трех аспектах:

1. Средовой аспект (18% от всей выборки): предложения сконцентрированы вокруг развития благополучной школьной среды. По мнению подростков, школа должна работать над созданием атмосферы уважения, внимания и справедливого отношения педагогов ко всем ученикам: «Не выделять отдельных учеников как лучших или худших» (жен., 17 лет); «С первого класса не делить ребят на хороших и плохих, не заострять внимание на ученике, который отличился в хорошем или же отрицательном плане» (жен., 16 лет). Не менее важно проявление заинтересованного отношения учителей к проблемам детей: «Когда происходит конфликт в классе, нужно разбираться в нем, а не ругать или звать родителей в школу и т. д.» (жен., 17 лет). Указано также на необходимость проявления внимания педагогов к социальным и воспитательным вопросам: «Заниматься не только образователь-

ной, но и социальной жизнью класса. Педагоги могут быть внимательнее к тому, как дети общаются между собой, быть открытыми и грамотно помогать в случае конфликтов» (жен., 18 лет); «Проводить мероприятия, целью которых будет сплочение класса» (муж., 14 лет); «...наблюдать за тем, чтобы в классе была дружная атмосфера, без задираний, краж и т. д.» (жен., 13 лет).

2. Информационно-образовательный аспект (14 %) должен включать в себя:

- обучение способам разрешения конфликтов;
- обучение учеников безопасному использованию интернета;
- информирование родителей детей с агрессивным поведением об опасных последствиях такой агрессии и способах контроля поведения детей в интернете;
- проведение регулярных опросов о распространенности кибербуллинга в школьной среде и др.

3. Профессиональная психологическая помощь (8,5 %). Адресатами такой помощи должны быть: «проблемные дети» («не ругать их, а выслушивать, лечить, водить к психологу» (жен., 17 лет)), агрессивные подростки, а в идеале — все учащиеся, чтобы они «могли урегулировать конфликты еще до их появления» (муж., 17 лет). Для этого желательно, чтобы работала служба медиации и «чтобы психолог был в школе чаще и активнее работал с классами, а не как у нас: приходит только пару раз в неделю, а многие ребята о нем просто не знают» (жен., 15 лет).

Для эффективной профилактики кибербуллинга важны специалисты, которые не просто знают свое дело, но с которыми подростки готовы сотрудничать. Для выяснения этого учащимся был задан вопрос: «Кого из специалистов или других авторитетных лиц должна привлекать школа для предотвращения кибербуллинга?» Учащиеся выразили заинтересованность во взаимодействии с психологами — 70,5 % от всех опрошенных (42 % жен. и 28,5 % муж.), социальными работниками — 42 % (24 % жен. и 18 % муж.), блогерами, музыкантами, кумирами молодежи — 37,5 % (22,5 % жен. и 15 % муж.), представителями молодежных движений — 31,5 % (19,5 % жен. и 12 % муж.). Готовность девушек взаимодействовать со специалистами и другими помогающими лицами значительно выше, чем у юношей, хотя в исследовании девушек участвовало всего на 16 человек больше. К участию в профилактике представителей прокуратуры и МВД респонденты отнеслись менее доброжелательно. Их видят в качестве гостей школы 24 % (11 % жен. и 13 % муж.), причем восьмиклассники чаще других выбирали этот ответ. Подростки не проявили большой заинтересованности и во взаимодействиях с волонтерами из общественных организаций — этот вариант ответа выбрали лишь 19,5 % респондентов примерно с равным распределением по классам.

Обсуждение результатов

Подводя итог, можно сделать несколько выводов, подтверждающих правильность выдвинутой гипотезы и сопоставимых в определенной степени с результатами других исследований:

1. Если суммировать все факты совершения кибертравли, то цифры получают значительными и согласуются с результатами других исследований, см., напр.: [4, с. 280; 9, с. 303; 17; 29, с. 5; 31]. Подтвердились также распространенный тезис

и результаты разных исследований, указывающих, что девушки чаще, чем юноши, подвергаются травле [17; 31, с. 427]. (Справедливости ради нужно отметить, что имеются и противоположные данные, показывающие, что, наоборот, юноши подвергаются кибертравле чаще, чем девушки, см., напр.: [4, с. 283].) Чаще всего старшеклассники наблюдают в школе троллинг и оскорбления в чатах, см. также: [7, с. 195; 17]. Такие случаи могут быть как продолжением травли в реальности, так и иметь самостоятельное начало, на что указывают некоторые авторы, см., напр.: [6, с. 184; 7, с. 185; 17]. В основном кибертравля носит непродолжительный характер, хотя может длиться и очень долго, см. также [5, с. 154]. Это можно объяснить тем, что она чаще всего сопровождается спонтанными эмоциями, которые могут резко меняться в зависимости от смены настроения агрессора, ощущения победы над жертвой, возникновения других интересов. Могут повлиять и факторы среды (домашние дела, контроль со стороны родителей, более интересные занятия). В случае продолжительной травли (в течение месяца или года) можно с большой вероятностью говорить о слиянии травли в реальности и виртуальности, что дает основание предполагать наличие возможности их отслеживания персоналом школы при внимательном подходе к проблемам учащихся. Несмотря на то что некоторые исследования показали наибольшую распространенность кибертравли подростков в соцсетях Facebook* (75 % участников одного из исследований) и YouTube (66 %) [9, с. 304], в нашем опросе ученики отнесли к наиболее токсичным в плане травли сеть «ВКонтакте». Facebook* в России в настоящее время находится под запретом, а YouTube — под «мягким контролем», скорее всего, уменьшающим доступность и интерес со стороны старшеклассников. Что касается X (бывшего Twitter), то данные, полученные в нашем исследовании, и данные, выбранные для сравнения, примерно одинаковы (25,5 и 28 % соответственно).

2. При оценке истоков и детерминант кибербуллинга на первое место ожидаемо вышли личностные мотивы кибербуллеров — желание самоутвердиться, получить внимание. В большинстве своем подобные или сходные ответы получены и в других исследованиях, см., напр.: [5, с. 154; 22, с. 116]. Однако обращают на себя внимание ответы «ему нечем заняться, вот и достает других», «ему кажется, что это весело», «не умеет решать конфликт», думает, что «это безопасный способ высказаться и решить конфликт без вмешательства взрослых». Схожие факторы лежат и в основе присоединения к травле других учащихся. Представляется, что данные ответы свидетельствуют об упущениях школы, которая слабо реализует воспитательные функции. Это может происходить в том числе вследствие недопонимания учителями оснований травли как в реальности, так и в интернете [10, с. 52].

Следует сказать, что психологические особенности жертв кибербуллинга и буллинга изучены достаточно основательно. Поскольку такие исследования проводят преимущественно психологи или психиатры, то они делают акцент на выявлении виктимных свойств личности жертвы, см., напр.: [9, с. 301–302; 26; 29, с. 7–8]. Нас же преимущественно интересовали основные характеристики школьного статуса (потенциальной) жертвы и его восприятие старшеклассниками, поскольку оценки данного статуса могут отражать социальные установки и стратегии поведения самих участников опроса. Так, отнесение к (потенциальным) жертвам кибербул-

* Meta признана экстремистской организацией в Российской Федерации.

линг любимчиков учителей / успешных учеников демонстрирует, с одной стороны, нелюбовь и зависть к успешным ребятам, а с другой, может свидетельствовать о недовольстве предвзятым/несправедливым отношением учителей к подросткам. Унижение и травля по признаку материального достатка (детей из бедных семей) может свидетельствовать о приверженности подростков ценностям общества потребления, которые долгое время насаждались в российском обществе. Противодействие таким ценностям — задача в том числе и школы.

3. У ребят имеется определенная установка, что в случае кибербуллинга жертва не будет обращаться за помощью к персоналу школы из-за отсутствия доверия к нему. Данное мнение подтверждают и самоотчеты школьников в других исследованиях, см., напр.: [5, с. 153; 9, с. 307], хотя некоторые авторы указывают, что такие обращения зависят от возраста и специфики школы [31, с. 426]. Вместе с тем подростки школ Санкт-Петербурга видят школьный персонал в качестве потенциальных помощников, способных решить проблему травли. Здесь речь идет о противоречии между реальными и желаемыми отношениями между учениками и сотрудниками школы.

Несмотря на предположение, что свидетелям кибертравли проще присоединиться к агрессору [6, с. 186], большинство учащихся в нашем исследовании указали, что они (теоретически) готовы вступить за жертву, а некоторые это делают в реальности, особенно если речь идет об одноклассниках. Это свидетельствует о возможности развертывания коллективной работы по разработке мер, препятствующих распространению кибербуллинга в школьной среде.

4. Практически все исследователи, изучающие буллинг и кибербуллинг в школе, в своих публикациях указывают на необходимость развития комплексной работы по профилактике этих явлений, см., напр.: [5, с. 156; 6, с. 188; 9, с. 308–309; 10; 11; 29, с. 8–9; 31, с. 427–428]. Вместе с тем практически отсутствуют исследования восприятия профилактических мероприятий самими школьниками. Представляется, что такие исследования необходимы, поскольку подрастающее поколение должно приобрести субъектность и стать полноценным участником обсуждения всех вопросов, касающихся его безопасности и соблюдения прав. Интернет-опрос показал, что две трети подростков знают о наличии в школах профилактики, однако она носит в основном просветительский характер. Следует признать, что старшеклассники лучше, чем педагоги (особенно старшего поколения), разбираются во многих вопросах, касающихся интернета. Поэтому для них, вероятно, нужны другие мероприятия. Не отрицая значимости информирования, сами школьники хотели бы в первую очередь видеть усилия школы по повышению качества школьной среды, коренному изменению отношения учителей к ученикам и их проблемам. В целом получается, что ученикам в школе не хватает внимания со стороны взрослых, которые относятся к ним формально [10, с. 52].

Полученные в ходе исследования данные в целом подтвердили результаты других исследований касательно распространенности и видов кибербуллинга в школьной среде, основных детерминант явления и некоторых мотивов кибербуллера. Вместе с тем авторское исследование позволило выявить моменты, которые не изучались ранее. Привлечение к исследованию на втором этапе сбора данных респондентов из разных школ и отсутствие значимых расхождений между результатами первого и второго этапов позволяет (с определенными оговорками)

говорить об общих тенденциях, по крайней мере в общеобразовательных школах Санкт-Петербурга, особенно когда речь идет о школьной профилактике и перспективах ее развития. Следует отметить, что использование неслучайной целевой выборки ограничивает возможность распространения полученных данных на ситуацию кибербуллинга во всех российских школах. Очевидно, что эта ситуация будет различаться в зависимости от географического места нахождения школ, социально-психологических и демографических характеристик старшеклассников, установок и компетентности учителей, степени осознанности ими проблемы травли, политики школы в отношении агрессивного поведения (в широком смысле) и их профилактики.

Заключение

Профилактика кибербуллинга — относительно новая задача для персонала школы. В связи с этим необходимо не просто изучение явления, но и обращение к мнению учащихся о возможностях профилактики, так как без включенности школьников практически невозможно преодоление любого вида травли. От практической реализации субъект-субъектного подхода зависит, насколько благополучной станет школьная среда, которая воспроизводится каждый год с появлением новых детей в новых классах. А потому вряд ли возможно проводить профилактику, основываясь на общих рекомендациях. Она требует постоянного мониторинга ситуации на уровень агрессии (как в реальности, так и в интернете) в каждой конкретной школе, а также изучения мнений учащихся о кибербуллинге и реализуемых в школе мерах его предотвращения. Подобные исследования, помимо получения необходимых сведений, дадут возможность сформировать у подростков чувство сопричастности к жизни школы. Возможно, тогда школа избавится от формального подхода к профилактике и перестанет быть институтом, в котором дети вынуждены выживать без надежды на получение реальной поддержки и помощи. В научном плане обращение к теме кибербуллинга и его профилактики в школьной среде способствует расширению представлений о насилии и агрессии среди учащихся в цифровом обществе, что дает возможность развития комплексного подхода как к их изучению, так и к разработке методических рекомендаций по применению комплекса профилактических мер.

Литература

1. Березовская И. П., Гашкова Е. М., Серкова В. А. «Цифровое» поколение. Перспективы феноменологической дескрипции // Россия в глобальном мире. 2015. № 7 (30). С. 53–64.
2. Годик Ю. О. «Цифровое поколение» и новые медиа // Медиаскоп. 2011. № 2. С. 1–13. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoye-pokolenie-i-novye-media> (дата обращения: 10.06.2023).
3. Волкова Е. Н., Волкова И. В., Голубовская А. С. Обзор зарубежных исследований по проблеме кибербуллинга среди подростков и молодежи. URL: <https://cyberpsy.ru/articles/kiberbulling-obzor/> (дата обращения: 10.06.2023).
4. Хломов К. Д., Давыдов Д. Г., Бочавер А. А. Кибербуллинг в опыте российских подростков // Психология и право. 2019. Т. 9, № 2. С. 276–295.
5. Бенгина Е. А., Гришаева С. А. Кибербуллинг как новая форма угрозы психологическому здоровью личности подростка // Вестник ГУУ. 2018. № 2. С. 153–157.
6. Бочавер А. А., Хломов К. Д. Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий // Психология. Журнал ВШЭ. 2014. № 3. С. 177–191.

7. Назаров В. Л., Авербух Н. В., Буйначева А. В. Буллинг и кибербуллинг в современной школе // *Образование и наука*. 2022. № 4 (2). С. 169–205.
8. Ясвин В. А. Школьное средоведение и педагогическое средотворение. М.: Вклад в будущее, 2020.
9. Макарова Е. А., Макарова Е. Л., Махрина Е. А. Психологические особенности кибербуллинга как формы интернет-преступления // *Российский психологический журнал*. 2016. Т. 13, № 3. С. 293–311.
10. Волкова Е. Н. Подростковый буллинг: направления профилактической работы и организация помощи // *Вестник практической психологии образования*. 2019. № 3 (3). С. 50–57.
11. Носова Н. В., Калинин Е. М., Камракова Н. Ю. Профилактика кибербуллинга среди обучающихся образовательной организации. Вологда: Вологодский институт развития образования, 2019.
12. Попов В. В., Ерохина А. В., Черкасова С. В. Юридическая ответственность несовершеннолетних граждан за противоправные действия в сети интернет (сравнительно-правовой аспект) // *Вестник Московского университета МВД России*. 2022. № 5. С. 203–204.
13. Olweus D. Cyberbullying: An overrated phenomenon? // *European Journal of Developmental Psychology*. 2012. no. 9 (5). P. 520–538.
14. Olweus D. Bullying at school: Wykład prof. Dan Olweus at the Europejski Kongres Przeciwdziałania Przemocy Szkolnej “Szkoła bez przemocy”, Warsaw, 15 września 2010. URL: <https://web.archive.org/web/20200321113218/http://www.szkolabezprzemocy.pl/pliki/237-olweus-eng.pdf> (дата обращения: 14.06.2023).
15. Schneider S. K., O'Donnell L., Stueve A., Coulter R. W. Cyberbullying, school bullying, and psychological distress: A regional census of high school students // *American Journal of Public Health*. 2012. Vol. 102, no. 1. P. 171–177.
16. Suler J. The online disinhibition effect // *CyberPsychology & Behavior*. 2004. Vol. 7, no. 3. P. 321–326. URL: https://www.researchgate.net/publication/8451443_The_Online_Disinhibition_Effect (дата обращения: 13.06.2023).
17. Волкова Е. Н., Волкова И. В. Кибербуллинг как способ социального реагирования подростков на ситуацию буллинга // *Вестник Минского университета*. 2017. № 3 (20). С. 1–11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiberbulling-kak-sposob-sotsialnogo-reagirovaniya-podrostkov-na-situatsiyu-bullinga> (дата обращения: 08.06.2023).
18. Juvonen J., Gross E. F. Extending the school grounds? Bullying experiences in cyberspace // *Journal of School Health*. 2008. no. 78 (9). P. 496–505.
19. Солдатова Г. У., Ярмина А. Н. Кибербуллинг: особенности, ролевая структура, детско-родительские отношения и стратегии совладания // *Национальный психологический журнал*. 2019. № 3 (35). С. 17–31.
20. Hinduja S., Patchin J. W. Cyberbullying: Identification, prevention, and response. URL: <https://cyberbullying.org/Cyberbullying-Identification-Prevention-Response.pdf> (дата обращения: 10.06.2023).
21. Willard N. From Cyberbullying and Cyberthreats: Responding to the Challenge of Online Social Aggression, Threats, and Distress. 2nd ed. Champaign: Research Press, 2007.
22. Антипина С. С. Опросник «Типология киберагрессии»: структура и первичные психометрические характеристики // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2021. № 1 (85). С. 113–122.
23. Runions K. C. Toward a conceptual model of motive and self-control in cyber-aggression: Rage, revenge, reward and recreation // *Journal of Youth and Adolescence*. 2013. Vol. 42, no. 5. P. 751–771.
24. Дейнека О. С., Духанина Л. Н., Максименко А. А. Кибербуллинг и виктимизация: обзор зарубежных публикаций // *Перспективы науки и образования*. 2020. № 5 (47). С. 273–292.
25. Погорелова Е. И., Арькова И. В., Голубовская А. С. Психологические особенности подростков, включенных в ситуацию кибербуллинга // *Северо-Кавказский психологический вестник*. 2016. № 14 (2). С. 47–53.
26. Обухова Ю. В., Гурьева В. О. Образ сверстника — жертвы буллинга у школьников с разной выраженностью виктимного поведения // *Российский психологический журнал*. 2017. № 2. С. 118–134.
27. Chouhan D. S. Cyberbullying: The scale of the problem in adults & children // *International Journal of Research*. 2019. Vol. 8, no. 6. P. 1502–1510. URL: https://www.researchgate.net/publication/349277563_Cyberbullying_The_Scale_of_the_Problem_in_Adults_Children (дата обращения: 15.03.2023).
28. Малкина-Пых И. Г. Психология поведения жертвы: справочник практического психолога. М.: ЭКСМО, 2007.

29. Шпаковская Е. Ю., Ключкина А. А. Психологические особенности виктимного поведения подростков, подвергавшихся кибербуллингу // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. № 1. С. 1–11. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/32PSMN120.pdf> (дата обращения: 15.06.2023).

30. Ипатов А. А., Солодовникова О. Б. Опрос подростков: этические вопросы и правовое регулирование // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 1. С. 3–19. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2324> (дата обращения: 31.10.2023).

31. Ануфриева Е. В., Набойченко Е. С., Ковтун О. П. Буллинг и кибербуллинг: проблема современного подростка // Педиатрическая фармакология. 2021. № 18 (5). С. 423–429.

Статья поступила в редакцию 31 июля 2023 г.;
рекомендована к печати 25 декабря 2023 г.

Контактная информация:

Шипунова Татьяна Владимировна — д-р социол. наук, проф.; t.shipunova@spbu.ru
Яковлева Диана Витальевна — магистрант; st092201@student.spbu.ru

High school students' assessment of cyberbullying and its prevention in the school environment

T. V. Shipunova, D. V. Iakovleva

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Shipunova T. V., Iakovleva D. V. High school students' assessment of cyberbullying and its prevention in the school environment. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2023, vol. 16, issue 4, pp. 409–427. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2023.404> (In Russian)

The prevalence of cyberbullying in school indicates the need to strengthen school prevention. A first step in this direction would be to study student assessments of both types of cyberbullying and methods of preventing it. This became the purpose of the study. The study used the author's tools. An online survey of high school students was conducted, which was organized first at school with high school students accessing the Internet using a special code, then the survey was continued on the Google Forms service, where the high school students themselves invited their peers to participate in the study. In both cases, non-random purposive sampling was used. The most common type of cyberbullying in schools is trolling. Cyberbullying may be due to the personality characteristics of the aggressor, insufficient preparation of adolescents for conflict-free interaction, the presence of student provocateurs, the desire for revenge, etc. Children from poor families and successful students were classified as potential victims. Students are confident that in the event of persecution, victims will rarely appeal to school staff for help. They would prefer to talk about it with friends and parents. At the same time, school employees are assessed as persons capable of influencing the situation with cyberbullying. Teenagers believe that for prevention it is necessary to pay attention to environmental, informational, educational and psychological aspects. They believe that the environmental aspect should include a change in the attitude of teachers towards the problems and lives of students. The authors come to the conclusion that it is necessary to study the opinions of adolescents about cyberbullying and its prevention in the school environment regularly. This will allow us to move away from a formal approach to prevention and create conditions for the active inclusion of adolescents in solving the problem.

Keywords: teenagers, school environment, cyberbullying, types of cyberbullying, cyberaggression, victim of cyberbullying, prevention.

References

1. Berezovskaia I. P., Gashkova E. M., Serkova V. A. "Digital" generation. Perspectives on phenomenological description. *Rossia v global'nom mire*, 2015, no. 7, pp. 53–64. (In Russian)
2. Godik Iu. O. "Digital generation" and new media. *Mediaskop*, 2011, no. 2, pp. 1–13. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoe-pokolenie-i-novye-media> (accessed: 10.06.2023). (In Russian)
3. Volkova E. N., Volkova I. V., Golubovskaia A. S. Review of foreign studies on the problem of cyberbullying among adolescents and youth. *Cyberpsy*, 2020. Available at: <https://cyberpsy.ru/articles/kiberbulling-obzor/> (accessed: 10.06.2023). (In Russian)
4. Khlomov K. D., Davydov D. G., Bochaver A. A. Cyberbullying in the experience of Russian teenagers. *Psikhologiya i pravo*, 2019, vol. 9, no. 2, pp. 276–295. (In Russian)
5. Bengina E. A., Grishaeva S. A. Cyberbullying as a new form of threat to the psychological health of a teenager. *Vestnik of GUU*, 2018, no. 2, pp. 153–157. (In Russian)
6. Bochaver A. A., Khlomov K. D. Cyberbullying: Bullying in the space of modern technologies. *Psikhologiya. Zhurnal VShE*, 2014, no. 3, pp. 177–191. (In Russian)
7. Nazarov V. L., Averbukh N. V., Buinacheva A. V. Bullying and cyberbullying in the modern school. *Obrazovanie i nauka*, 2022, no. 4, pp. 169–205. (In Russian)
8. Iasvin V. A. *School environment science and pedagogical environment creation*. Moscow, Vklad v budshchee Publ., 2020. (In Russian)
9. Makarova E. A., Makarova E. L., Makhrina E. A. Psychological features of cyberbullying as a form of Internet crime. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal*, 2016, vol. 13, no. 3, pp. 293–311. (In Russian)
10. Volkova E. N. Teenage bullying: Areas of preventive work and organization of assistance. *Vestnik prakticheskoi psikhologii obrazovaniia*, 2019, no. 3, pp. 50–57. (In Russian)
11. Nosova N. V., Kalinkina E. M., Kamrakova N. Iu. *Prevention of cyberbullying among students of an educational organization*. Vologda, Vologodskii institut razvitiia obrazovaniia Press, 2019. (In Russian)
12. Popov V. V., Erokhina A. V., Cherkasova S. V. Legal liability of minors for illegal actions on the Internet (comparative legal aspect). *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2022, no. 5, pp. 203–204. (In Russian)
13. Olweus D. Cyberbullying: An overrated phenomenon? *European Journal of Developmental Psychology*, 2012, no. 9 (5), pp. 520–538.
14. Olweus D. *Bullying at school: Wyklad prof. Dan Olweus at the Europejski Kongres Przeciwdzialania Przemocy Szkolnej "Szkoła bez przemocy", Warsaw, 15 września 2010*. Available at: <https://web.archive.org/web/20200321113218/http://www.szkolabezprzemocy.pl/pliki/237-olweus-eng.pdf> (accessed: 14.06.2023).
15. Schneider S. K., O'Donnell L., Stueve A., Coulter R. W. Cyberbullying, school bullying, and psychological distress: A regional census of high school students. *American Journal of Public Health*, 2012, vol. 102, no. 1, pp. 171–177.
16. Suler J. The online disinhibition effect. *CyberPsychology & Behavior*, 2004, vol. 7, no. 3, pp. 321–326. Available at: https://www.researchgate.net/publication/8451443_The_Online_Disinhibition_Effect (accessed: 13.06.2023).
17. Volkova E. N., Volkova I. V. Cyberbullying as a way of social response of adolescents to the situation of bullying. *Vestnik Minskogo universiteta*, 2017, no. 3 (20), pp. 1–11. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiberbulling-kak-sposob-sotsialnogo-reagirovaniya-podrostkov-na-situatsiyu-bullinga> (accessed: 08.06.2023). (In Russian)
18. Juvonen J., Gross E. F. Extending the school grounds? Bullying experiences in cyberspace. *Journal of School Health*, 2008, no. 78 (9), pp. 496–505.
19. Soldatova G. U., Iarmina A. N. Cyberbullying: Features, role structure, child-parent relationships and coping strategies. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal*, 2019, no. 3 (35), pp. 17–31. (In Russian)
20. Hinduja S., Patchin J. W. *Cyberbullying: Identification, prevention, and response*. Available at: <https://cyberbullying.org/Cyberbullying-Identification-Prevention-Response.pdf> (accessed: 10.06.2023).
21. Willard N. E. *From Cyberbullying and Cyberthreats: Responding to the Challenge of Online Social Aggression, Threats, and Distress*. 2nd ed. Champaign, Research Press, 2007.
22. Antipina S. S. Questionnaire "Typology of Cyber Aggression": Structure and Primary Psychometric Characteristics. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, no. 1 (85), pp. 113–122. (In Russian)
23. Runions K. C. Toward a conceptual model of motive and self-control in cyber-aggression: Rage, revenge, reward and recreation. *Journal of Youth and Adolescence*, 2013, vol. 42, no. 5, pp. 751–771.
24. Deineka O. S., Dukhanina L. N., Maksimenko A. A. Cyberbullying and victimization: A review of foreign publications. *Perspektivy nauki i obrazovaniia*, 2020, no. 5, pp. 273–292. (In Russian)

25. Pogorelova E. I., Ar'kova I. V., Golubovskaia A. S. Psychological characteristics of adolescents included in the situation of cyberbullying. *Severo-Kavkazskii psikhologicheskii vestnik*, 2016, no. 14 (2), pp. 47–53. (In Russian)
26. Obukhova Iu. V., Gur'eva V. O. The image of a peer — victims of bullying among schoolchildren with different severity of victim behavior. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal*, 2017, no. 2, pp. 118–134. (In Russian)
27. Chouhan D. S. Cyberbullying: The scale of the problem in adults & children. *International Journal of Research*, 2019, vol. 8, no. 6, pp. 1502–1510. Available at: https://www.researchgate.net/publication/349277563_Cyberbullying_The_Scale_of_the_Problem_in_Adults_Children (accessed: 15.06.2023).
28. Malkina-Pykh I. G. *The Psychology of Victim Behavior: A Practical Psychologist's Handbook*. Moscow, EKSMO Publ., 2007. (In Russian)
29. Shpakovskaia E. Iu., Kliukina A. A. Psychological features of victim behavior of adolescents subjected to cyberbullying. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya*, 2020, no. 1, pp. 1–11. Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/32PSMN120.pdf> (accessed: 15.06.2023). (In Russian)
30. Ipatova A. A., Solodovnikova O. B. Surveying adolescents: Ethical issues and regulatory requirements. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i social'nye peremeny*, 2023, no. 1, pp. 3–19. Available at: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2324> (accessed: 31.10.2023). (In Russian)
31. Anufrieva E. V., Naboichenko E. S., Kovtun O. P. Bullying and cyberbullying: The problem of a contemporary adolescents. *Pediatricheskaia farmakologiya*, 2021, no. 18 (5), pp. 423–429. (In Russian)

Received: July 31, 2023

Accepted: December 25, 2023

Authors' information:

Tatiana V. Shipunova — Dr. Sci. in Sociology, Professor; t.shipunova@spbu.ru

Diana V. Iakovleva — Master Student; st092201@student.spbu.ru